

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА МИКРОУРОВНЕ: ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Важная часть проблем реформирования экономики при переходе к рынку связана с реформированием социальной сферы на уровне предприятий. В плановой экономике многие предприятия имели на своем балансе различные социальные объекты, которые условно можно разделить на несколько групп (см. рис. 1). Эти неравные по значимости группы в приведенной схеме определены в три основных уровня.

В 90-е годы получила распространение точка зрения, согласно которой объекты социальной сферы должны быть реформированы. В основе такой позиции лежали рекомендации международных экспертов и убежденность сторонников либерально-реформистского перехода к рынку в том, что возложение основных расходов за содержание объектов социальной сферы на предприятия экономически неэффективно и тормозит структурную перестройку в промышленности.

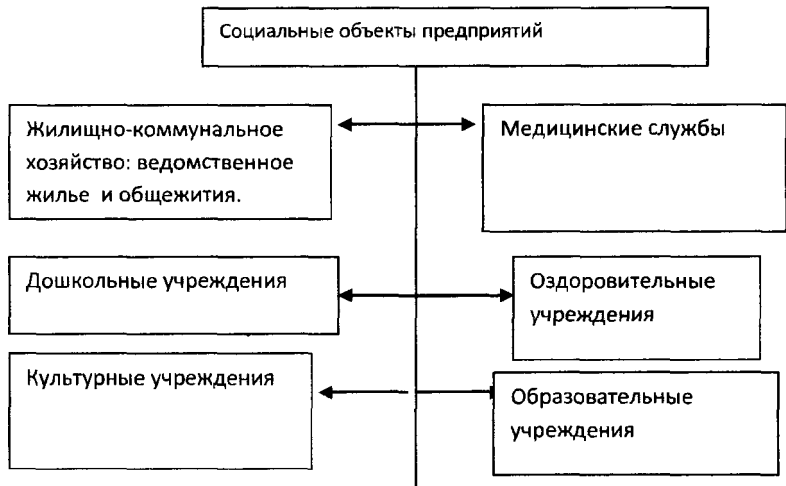

Рис. 1 Социальная инфраструктура предприятия

Экономисты отмечают ряд причин, которые делают необходимым реформирование социальной инфраструктуры предприятий при переходе к рынку. К основным из них относится следующее:

- предприятия, «отягощенные» социальными объектами, менее привлекательны для
 - приватизации и инвестирования;
 - управление социальными объектами отнимает значительное время управляющих, отвлекая их от проблем производства;
 - содержание соцобъектов отдельными предприятиями усиливает неравенство и несправедливость по отношению к жителям страны, не являющимся работниками данных предприятий;
 - социальные объекты предприятий снижают мобильность работников, «привязывая» их к бесплатным социальным услугам;
 - отвлекая часть доходов предприятия, социальные объекты снижают эффективность их деятельности;
 - поскольку соцобъекты финансировались не только предприятием, но и госбюджетом, то они являлись дополнительным бременем бюджета.

Понятно, что эти причины породили различные преобразования в социальной сфере. Интересным, в связи с этим, для нас является опыт России, где можно выделить несколько этапов преобразований. С 1993 по 1996гг. вместе с процессами активной приватизации происходило и резкое снижение расходов предприятий на социальные нужды. В дальнейшем произошло замедление масштабов таких преобразований. Но по мере становления крупного корпоративного бизнеса в конце 90-х, начале XXI века появились новые формы социальной политики на микроуровне. Отметим некоторые важные черты и последствия этих процессов.

По отношению к социальной инфраструктуре предприятий использовались два варианта: а) рыночный путь, предполагающий продажу соцобъектов, превращение их в коммерческие предприятия, самостоятельные юридические лица; б) передача соцобъектов в собственность местных органов власти (муниципализация).

Исследователи, изучающие данные процессы на первом этапе, отмечали следующие особенности и краткосрочные результаты:

- даже после приватизации многие предприятия сохраняли «ядро» социальной инфраструктуры;
- государственные предприятия более, чем частные были заинтересованы в сохранении социальной инфраструктуры;
- когда уменьшается социальная ответственность государства – возрастает надежда работников на социальную поддержку предприятия;
- хотя большая часть объектов социальной сферы была преобразована уже до 1995 года, социальная сфера предприятий и в начале XXI века продолжала оставаться значительной, а многие предприятия, даже после передачи части

объектов, сохраняли значительные объемы финансирования социальных объектов.

Российские экономисты провели ряд исследований по изучению масштабов, причин и издержек сохранения объектов социальной сферы на балансе предприятий. Они отмечают, что основными причинами ее сохранения являются:

- налоговые льготы, которые получают предприятия, содержащие на балансе социальную сферу;
- ослабление административного и др. регулирования со стороны местных властей; социальная сфера ставит предприятия в особые условия взаимоотношений с местными органами власти;
- желание предприятий использовать социальную сферу для того, чтобы «привязать» работников отдельных категорий, отдельных территорий и др. к предприятию.

В критических отзывах российских и международных исследователей о проведении реформы социальной сферы на микроуровне можно выделить следующее.

Нормативы льгот по налогообложению, в связи с содержанием разных объектов социальной сферы, как подчеркивают некоторые авторы, четко не продуманы, что приводит, например, к выгоды содержания медпунктов и поликлиник (где затраты покрываются за счет льгот на 60%) и невыгоды содержания баз отдыха, спортивных учреждений, детских садов, учреждений культуры. Другие авторы считают, что такая политика вполне оправдана, поскольку отражает дифференцированный подход к разным видам соцобъектов. Они считают, что важно поддерживать социальные активы в отношении жизненно важных коммунальных удобств и благ (жилья, медицинских услуг, детских садов), но многие предприятия финансируют также заведения для отдыха и развлечения, например спортивные клубы, дома отдыха и охотничьи домики. «Расходы по содержанию этих видов социальных активов ни в коем случае не должны оплачиваться налогоплательщиками, поэтому следует, насколько возможно, пресекать попытки увести от налогообложения такие расходы». Соответственно такому регулированию меняется *структура социальной сферы предприятий*.

Особое место в исследованиях отводится выводам о соотношении затрат и выгод для разных участников процесса реформирования социальной политики на микроуровне. Однако многие авторы подчеркивают, что, несмотря на существующие официальные статданные по этим направлениям анализа недостаточной сводной информации, поэтому авторам приходится проводить собственный мониторинг по городам и областям, использовать метод индукции. Такой мониторинг приводит к достаточно противоречивым выводам. Теоретически в реформировании не должны выигрывать предприятия, сохраняющие социальную сферу, но они получают выгоду. В соответствии с замыслами реформы должны выигрывать предприятия, ликвидировавшие социальную сферу, однако эконо-

мическая эффективность многих из них не растет. По поводу этих результатов сложилось две разные точки зрения.

Первая позиция объясняет это недостатками самого процесса реформирования, при этом сохраняется убежденность экономистов в правильности направления реформирования. Соотношение общих затрат и выгод от первого этапа реформирования социальной сферы привело к 1) чистой выгоде предприятий, сохраняющих социальную сферу; 2) чистым убыткам предприятий, лишившихся вместе с социальной сферой льгот в налогообложении и регулировании; 3) чистой выгоде федерального бюджета от реформирования; 4) чистым убыткам местных органов власти, на долю которых приходится основная часть финансирования объектов социальной сферы, которые не могут быть коммерциализированы. Отсюда понятно, что местные органы власти предпочитают прямому финансированию соцобъектов трансферты предприятиям по содержанию социальной инфраструктуры. Такие выводы сопровождаются рекомендациями сокращать субсидии приватизированным предприятиям на соцобъекты, постепенно сокращать субсидии потребителям социальных услуг, а также перераспределять средства из центрального бюджета к местным.

Другая позиция заключается в том, что теоретические конструкции и основанные на них реформы не учитывают специфику менталитета, национальных традиций, истории и поэтому обречены на неуспех. Эту точку зрения в наиболее полном виде выразил С.Кара-Мурза в работе «Советская цивилизация». Он отмечает, что советское предприятие представляло собой особый организм, не похожий на капиталистические предприятия. Он подчеркивает, что промышленное предприятие СССР не было чисто производственным образованием, а было, как и община в деревне, центром *жизнеустройства*. «Поэтому создание на самом предприятии и вокруг него обширной системы социальных служб стало вполне естественным процессом, не противоречащим культурному генотипу предприятия, а вытекающим из него». Так же как и в Японии такие предприятия порождают мощный синергетический, кооперативный эффект, который, несмотря на рост транзакционных издержек, обеспечивает жизнеспособность и экономическую эффективность предприятия, невидимую западными экспертами. И такой эффект неизбежно исчезает при преобразовании предприятия на чисто рыночной основе. «Речь здесь идет не только о максимальном подчинении всей деятельности предприятия критериям хрематистики (прибыли) при почти полном устранении критериев *социального* эффекта. Речь идет об изменении всего жизнеустройства предприятия и окружающей его местности (часто целого города). Для того, чтобы такое изменение было признано справедливым, требуется смена господствующей в обществе антропологической модели. До настоящего времени этой смены не произошло – ни в среде трудящихся, ни в среде управленческих работников, ни даже в среде искусственно созданной в ходе приватизации буржуазии («новых русских»)). Подобные идеи поддерживает и А.Бузгалин, отмечающий, что нарождающаяся номенклатурная буржуазия не

способна проводить эффективную социальную политику, так как «социально-экономически неопытна (неспособна или не умеет находить компромиссы с трудящимися и предотвращать обострение социально-экономических конфликтов), бедна (по мировым масштабам) и жадна».

В то же время следует констатировать и положительную тенденцию в эволюции российской (и не только) буржуазии, которая начинает осознавать ошибки недостаточного в недавнем прошлом внимания к социальному партнерству, к созданию союзника в лице работников предприятия. Идея социальной ответственности бизнеса получает глобальное распространение, включая Россию и Республику Беларусь. Однако понимание бизнесом своей социальной ответственности предполагает другие социальные программы и услуги, чем те, которые государство им «навязывает» в связи со сложностями бюджетного финансирования.

Противоречивость результатов и оценок российского опыта ставит ряд вопросов перед исследователями процессов реформирования социальной политики в Республике Беларусь, где социальная инфраструктура предприятий пока еще не подвергалась коренной перестройке, но есть осознание острой необходимости таких преобразований».